

«МОЯ РОДИНА — “КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА”»: ПРИШВИН КАК ЧИТАТЕЛЬ

© 2024 г. И.А. Есаулов

Аннотация: В статье детально анализируется дневниковая запись М.М. Пришвина от 7 сентября 1933 г., в которой писатель уподобляет повесть Пушкина «Капитанская дочка» своей истинной родине (в отличие от реально-биографических Ельца и Петербурга). Запись рассматривается в контексте идеологических и исторических реалий первых десятилетий советской власти и доминирующих тенденций по отношению к исторической России. В анализе используются категории «относительной» и «абсолютной» мифологии (А.Ф. Лосев), а также «малого» и «большого» времени (М.М. Бахтин).

Ключевые слова: родина, большое время, малое время, относительные и абсолютная мифологии.

Информация об авторе: Иван Андреевич Есаулов — доктор филологических наук, профессор, Литературный институт имени А.М. Горького, Тверской б-р, д. 5, 123104 г. Москва, Россия.

E-mail: ivan.esaulov@icloud.com

Для цитирования: *Есаулов И.А.* «Моя родина — “Капитанская дочка”»: Пришвин как читатель // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е.Ю. Кнорре, А.Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 00–00. DOI:

“MY MOTHERLAND IS THE CAPTAIN’S DAUGHTER”: PRISHVIN AS A READER

© 2024. Ivan A. Esaulov

Abstract: The article examines in detail the diary entry of M.M. Prishvin on September 7, 1933, in which the writer likens Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter” to his true homeland (in contrast to the real-biographical Yelets and St. Petersburg). The analysis of the entry takes account of the context of the ideological and historical realities of the first decades of Soviet power and the dominant trends concerning historical Russia. The article uses the categories of “relative” and “absolute” mythology (A.F. Losev), as well as “small” and “great” time (M.M. Bakhtin).

Keywords: homeland, big time, small time, relative and absolute mythologies.

Information about the author: Ivan A. Esaulov, DSc in Philology, Professor, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Tverskoy Blvd., 25, 123104 Moscow, Russia.

E-mail: ivan.esaulov@icloud.com

For citation: Esaulov, I.A. “My Motherland is the Captain’s Daughter”: Prishvin as a Reader.” *Literaturnoe nasledie Mikhaila Prishvina: kontekst otechestvennoi i mirovoi kul’tury* [Mikhail Prishvin’s Literary Heritage: The Context of National and World Culture], ed.-comp. Elena Yu. Knorre, Anastasia G. Gacheva. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 00–00. (In Russ.) DOI:

7 сентября 1933 г. Пришвин записывает в своем Дневнике: «Наконец-то дожил до понимания “Кап. дочки” и тоже себя: откуда я пришел в литературу <...> И теперь читаешь и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить, то и другое для меня теперь археология, а Петербург даже и официальное имя свое потерял; моя родина, непревзойденная в простой красоте и, что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней добротой и мудрости человеческой, — эта моя родина есть повесть Пушкина “Капитанская дочка”» [Пришвин, 2009, с. 298]. Насто-

ящая работа представляет собой опыт осмысления этой дневниковой записи писателя.

Что прежде всего приковывает наше внимание сегодня в этой записи? Конечно, исторический контекст. Конец двадцатых и начало тридцатых годов XX в. — время, когда с новой силой истреблялось то, что для множества русских людей, включая и Пришвина, являлось — в нескольких поколениях — их родиной. 5 декабря 1931 г. взорван Храм Христа Спасителя. Мы знаем серию фотографий Пришвина об этом символическом событии. Как формулирует современная исследовательница, «по исторической памяти, являющейся основой этнической, культурной традиции и самосознания русского народа, предложено было нанести сокрушительный удар из всех оружий. Главный историк страны доказывал, что, с точки зрения “пролетарской диктатуры в мировой постановке”, в истории России сплошное дикарство, начиная с ее крещения (“перемена обряда”), православной веры (“дикари”), летописей (“сказки” для “плохих исторических книжек”), “Слова о полку Игореве” (“придворная поэма”) и кончая ее ложными героями (“Минин и Пожарский”) и “ложными” событиями (Отечественная война 1812 года)» [Корниенко, с. 46]. К тому времени уже десяток лет как запрещено систематическое преподавание в школе как курса русской литературы, так и русской истории [Есаулов, 2017, с. 34–37; Есаулов, 2022, с. 7–10].

По Дневнику Пришвина можно проследить, как именно тотально переформатировались все прежние формы жизни и культуры, как трансформировалась русская повседневность, чтобы стереть с карты само имя *Россия*¹, как заменялись «своими» прежние русские топонимы, как дискредитировалась бывшая русская история, на государственном уровне отвергались русские победы, но праздновались русские поражения.

¹ «Даже имени *Россия* больше нет» с горечью отметил уже в 1951 г. оказавшийся по ту сторону «железного занавеса» русский писатель безукоризненной репутации [Зайцев, с. 208].

Эти тенденции закреплялись в общественно значимых изданиях. Например, в Малой советской энциклопедии соответствующего периода размещена статья будущего академика АНСССР, получившей три ордена Ленина, М.В. Нечкиной, в которой рядом со словом *Россия* уточняющая буква «б» (бывшая). Эта энциклопедическая статья замечательно точно фиксирует государственную политику по отношению к тому, что Пришвин назвал своей родиной: «<...> выражения “история России”, “русская история” <...> прикрывают и оправдывают колониальную политику угнетения и насилия царского самодержавия над нерусскими народностями; поэтому само название “русская история” насыщено великодержавным шовинизмом и не может быть принято марксистской историографией. “Термин русская история есть контрреволюционный термин, одного издания с трехцветным флагом” (М.Н. Покровский). Первая Всесоюзная научная конференция историков-марксистов <...> окончательно отвергла название русская история и ввела в широкий оборот термин “история народов СССР”» [Нечкина, с. 427–428].

А.И. Солженицын с полным основанием формулирует: «<...> все 20-е годы <...> во всех областях культуры последовательно вытравлялась вся русская традиция и русская история, как бывает разве только при оккупации» [Солженицын, с. 135].

Л.Я. Гинзбург со своей стороны, в сущности, подтверждает эти выводы: «<...> у нас (в СССР. — И.Е.) сейчас допускаются всяческие национальные чувства, за исключением великороссийских. Даже еврейский национализм, разбитый революцией в лице сионистов и еврейских меньшевиков, начинает теперь возрождаться политикой нацменьшинств. Внутри Союза Украина, Грузия фигурируют как Украина, Грузия, но Россия — слово, не одобренное цензурой» [Гинзбург, с. 153–154].

В том же году, когда Пришвин записывает цитируемые выше слова о своей *родине*, о. Павел Флоренский обвиняется в организации «националистической, фашистской организации, именовавшей себя «Партией Возрождения России» (sic! — И.Е.), которая, по формулировке тех, кто сфабриковал подобные об-

винения, ставила «своей задачей установление фашистского строя в стране» (дело № 2886 о националистической фашистской организации). В числе прочего «организации» инкриминировалось создание «республики с сильным национально-фашистского типа правительством, опирающимся на Православную Церковь» (см.: [Флоренский, с. 45–66]).

Как подчеркивает В.З. Паперный, еще и «в 1934 году слова “Россия” и “русские” все еще несли на себе груз отрицательных значений» [Паперный, с. 83]. Как нетрудно заметить, упомянутые выше писатели и исследователи (а можно было бы подобные цитаты продолжить) совершенно солидарны между собой в определении доминанты этого времени.

Так что дневниковую запись Пришвина можно верно понять, если мы реконструируем тот контекст раннесоветских энтузиастических десятилетий, когда слово «родина» (если оно не сопровождалось определением «советская»), как и слово «русский» имело отчетливо негативные коннотации. Находясь в подобной атмосфере, писатель («наконец-то», как он уточняет) «дожил до понимания» пушкинской повести. Он понял «Капитанскую дочку» именно тогда, когда уничтожалась не только его, но и пушкинская «родина», которая объявлена была «бывшей», подлежав замене на что-то кардинально иное (также «бывшими» назывались люди, которые были накрепко связаны именно с этой — пушкинско-пришвинской — родиной). В этих условиях опознать свою подлинную родину (а не то, что предлагается вместо нее) стало возможно, обращаясь именно к Пушкину («и как будто у себя на родине»), а не к той советской повседневности, которую и описывал в своем Дневнике Пришвин.

Пришвина часто — и вполне справедливо — относят к «серебряному» веку, он его законный, так сказать, представитель. Однако — обратим внимание — свою «родиной» Пришвин считает все-таки не салон Гиппиус-Мережковского, где он и получал соответствующие советы, а, судя по цитируемой записи, русский «золотой» век.

Если использовать известную терминологию М.М. Бахтина, можно сказать, что возникает оппозиция: «малое время» жизни писателя (тот же «серебряный» век или большевистские десятилетия — по-видимому, они как-то глубинно связаны, одно породило другое, отсюда и пришвинское «большевик из Балаганчика») и «большое время» [Бахтин, 1986, с. 347–354], где можно почувствовать себя «дома» (вспоминая известные бахтинские строки о Рабле и народной культуре) [Бахтин, 1990, с. 7]. Однако идея самого бахтинского «большого времени» представляется несколько абстрактной. Существуют типы культур, в которых отсутствует понятие личности, как оно представлено, во всяком случае, в христианской культуре. Они от этого не становятся менее значительными, менее, что ли, уважаемыми. Но представление о личности там или отсутствует, или, во всяком случае, значительно редуцировано. Как настаивает А. Лосев в беседе с В.В. Бибихиным, приводя примеры «от противного», «только в Европе есть личность» [Бибихин, с. 16]. Если говорить о русской культуре, то встает вопрос: можно ли объединить большое время русской культуры и «большое время» как таковое, если в одном случае обостренно чувствуется личностность, весьма утонченно — в понятии соборности (вспомним акцент Вяч. Иванова на «Ты еси»)², а в другом — оно порой вообще отсутствует? О каком общем «большом времени» тут можно говорить? Поэтому то, что Бахтин называл большим временем, по отношению к отечественной культуре, по-видимому, более уместно трактовать как большое время русской христианской культуры. И в подобной перспективе «Капитанская дочка» может опознаваться именно как родина, «непревзойденная в простой красоте, в сочетавшейся с нею доброте и мудрости».

Во всяком случае, сам Пришвин в дневниковой записи от 15 января 1921 г. поставил задачу (им самим не реализованную)

² Ср. пришвинскую дневниковую запись от 7 октября 1908 г.: «Соборность, общественность есть лишь результат более утонченной личности» [Пришвин, 2007, с. 175].

«рассмотреть христианское отношение русской литературы (Гоголь, Достоевский, Толстой, Тургенев)» [Пришвин, 1995, с. 129].

Приблизительно в это же время А.Ф. Лосев, обращаясь к «относительным мифологиям» (одной из которых является строительство «социализма»: впрочем, и «капитализм» также является производным от той же самой «относительной» мифологии), противопоставляет им мифологию подлинную, «абсолютную»: для Лосева это «византийско-московское православие» [Лосев, с. 445–447].

Исходя из этого, бахтинское разграничение большого и малого времени можно соотнести с понятиями абсолютной и относительной мифологий, которые представлены в «Диалектике мифа» Лосева. Иными словами, большое время русской культуры зиждется на понятии абсолютного мифа. В таком случае и смысл событий малого времени русской культуры становится более ясным, если мы соотносим их с этим абсолютным мифом, рассматриваем в перспективе абсолютного мифа. Одни и те же события в относительной мифологии малого времени могут восприниматься так и этак (согласно как Лосеву, так Бахтину, более или менее искаженно), а в перспективе большого времени русской культуры, с ее категорическим постулатом Воскресения (см.: [Иванов, с. 360–372]), — совершенно иначе. Одновременно с этим и бахтинское малое время может быть лучше понято, если мы воспользуемся теми характеристиками относительных мифологий, которые использовал Лосев. В сущности, в Дневнике Пришвина (в том числе, и в той записи, которая явилась предметом преимущественного внимания в данной работе) мы видим характерное — и весьма травматическое — отражение и осмысление тех реалий, которые довелось пережить Пришвину и стране в 1920–1930-х гг., но такое отражение, которое позволяет «наконец-то» опознать для себя — в большом времени русской культуры — главное в этой культуре, а также жизни.

Хотя, разумеется, сам Пришвин как лосевскую, так и бахтинскую терминологию и не употреблял, однако же в изучении особенностей его Дневника было бы продуктивно эксплицировать

разницу между «малым» временем его жизни и большим временем русской истории и культуры. Сам писатель остро нуждался в читателе-современнике, ему было крайне важно, чтобы его прочли «новые люди». Мы знаем, что многие его произведения были — после 1940 г. — отвергнуты цензурой. И знаем, как болезненно к этому относился Пришвин. Если бы его собственное «малое время» не интересовало вовсе, он бы, по-видимому, и не вел ежедневный Дневник, в котором самое интересное, может быть, это такие черты эпохи (например, особенности московского градостроительства 1920–1930-х гг. — в сравнении с русской традицией), которые навсегда зафиксированы именно в Дневнике писателя.

Но, с другой стороны, Пришвин вполне понимал, что главное его произведение — это именно Дневник. Однако этот Дневник прочесть в их малом времени современники писателя уж, во всяком случае, никак не могли. Значит, Пришвин писал для какого-то другого читателя, поверх своего «малого времени». Может быть, для нас. Или не для нас: может быть, мы еще не способны вполне понять Пришвина. Возможно, наши дети или внуки — именно в большом времени русской культуры — способны будут оценить вполне этот Дневник.

Список литературы

Источники

- Гинзбург Л.* Записи 20–30-х годов // Новый мир. 1992. № 6. С. 144–186.
- Зайцев Б.* В пути. Париж: Возрождение, 1951. 209 с.
- Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 427 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 303 с.
- Пришвин М.М.* Ранний дневник. 1905–1913 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной; указат. имен Т.Н. Бедняковой. СПб.: Росток, 2007. 800 с.
- Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922 / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935 / подгот. текста Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной. СПб.: Росток, 2009. 1008 с.

Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 115–150.

Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем: сборник архивных материалов и статей. М.: Городец, 2008. 205 с.

Исследования

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 541 с.

Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 415 с.

Есаулов И.А. «Архискверный Достоевский» в малом времени советско-постсоветских десятилетий и в большом времени русской культуры // Ф.М. Достоевский: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2022. Т. 2: Советский и постсоветский Достоевский. С. 7–24.

Есаулов И.А. Рецепция отечественной классики в период русской Катастрофы // Русская классика: pro et contra. Железный век. Антология. СПб.: РХГА, 2017. С. 9–42.

Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.

Нечкина М.В. Россия // Малая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1930. Т. 7. С. 427–428.

Паперный В. Культура Два. М.: НЛО, 1996. 412 с.